

Современные информационные социальные риски в эпоху постмодерна

Церкаевич Лариса Владимировна¹

Д-р экон. наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3104-014X>, e-mail: larissa.vladi@mail.ru

Макаренко Евгений Александрович²

Канд. экон. наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3461-3166>, e-mail: ss300@yandex.ru

¹ЧОУ ВО «Санкт-Петербургский институт экономики и управления»,
194044, Крапивный пер., 5, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

²ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения»,
190000, ул. Большая Морская, 67, лит. А, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Аннотация

В статье проанализированы глобальные социальные риски, связанные с распространением информационных технологий, массовой цифровизацией, доступностью источников любой информации. Продемонстрирована возможность возникновения рискованных ситуаций по различным направлениям функционирования общества в условиях постмодерна. Это обусловлено массовым распространением информационных и интернет-технологий, глобальными изменениями в структуре ценностей современного общества, а также переоценкой некоторыми социальными группами ряда исторических событий и персонажей. Акцентировано внимание на деструкции традиционных механизмов передачи социального опыта и памяти и трансформации воззрения на историю, что связано с использованием виртуальных форм коммуникации. Иная, собственная интерпретация исторических событий, освобождение исторических знаний от политизации и мифологизации могут приводить к рискам искажения исторической памяти и даже к возникновению конфликтных ситуаций, связанных с интерпретацией прошлого. На примерах показано, что это, в свою очередь, может приводить к возникновению комплекса рисков в экономической сфере, например: к риску возникновения ситуации глобального перераспределения экономических ресурсов, риску потери источника легитимности экономического ресурса, риску потери репутации субъектом памяти. Эти процессы негативно отражаются на социальной стабильности в обществе, искажают цельность исторической памяти.

Особое внимание уделено теме риска трансформации когнитивных процессов, связанной с массовым использованием виртуальных средств в образовательном процессе. С одной стороны, они являются эффективным средством обучения на основе быстрого поиска, преобразования и хранения учебной информации. Но, с другой стороны, как показывает практика, знания утрачивают свойство системности и приобретают «мозаичный», «клиповый характер». Последствия этих процессов носят устойчивый долговременный характер и требуют дальнейшего глубокого изучения научным сообществом, в том числе психологами, педагогами, социологами.

Ключевые слова: историческая память, риски, политика, Интернет, клиповая культура, лженаука, пандемия, мемориальный закон

Для цитирования: Церкаевич Л.В., Макаренко Е.А. Современные информационные социальные риски в эпоху постмодерна // Управление. 2021. Т. 9. № 4. С. 112–120. DOI: [10.26425/2309-3633-2021-9-4-112-120](https://doi.org/10.26425/2309-3633-2021-9-4-112-120)

Contemporary information social risks in the post-modern era

Larissa V. Tcerkasevich¹

Dr. Sci. (Econ.), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3104-014X>, e-mail: larissa.vladi@mail.ru

Evgenii A. Makarenko²

Cand. Sci. (Econ.), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3461-3166>, e-mail: ss300@yandex.ru

¹Saint Petersburg Institute of Economics and Management, 5, Krapivnyi per., St. Petersburg, 194044, Russia

²Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, 67, lit. A, str. Bolshaya Morskaya, St. Petersburg, 190000, Russia

Abstract

The article analyses the global social risks related to the expansion of information technologies, mass digitalisation, and the accessibility of sources of all information. The possibility of risky situations arising in different areas of society under postmodern conditions has been demonstrated. This is due to the massive spread of information and Internet technology, global changes in the structure of values of modern society, and the reassessment of a number of historical events and characters by some social groups. The focus is on the destruction of traditional mechanisms for transmitting social experience and memory and the transformation of perceptions of history through the use of virtual forms of communication. A different, own interpretation of historical events, the liberation of historical knowledge from politicisation and mythologisation can lead to risks of distortion of historical memory and even to conflicting situations of interpretation of the past. Case studies show that this, in turn, can lead to a set of risks in the economic sphere, for example: the risk of a situation of global redistribution of economic resources, the risk of losing the source of legitimacy of an economic resource, the risk of loss the reputation of a memory entity. These processes negatively affect social stability in society and distort the integrity of historical memory.

Particular attention is paid to the topic of cognitive transformation risk related to the mass use of virtual media in the educational process. On the one hand, they are an effective teaching tool based on rapid search, transformation and storage of learning information. But, on the other hand, practice shows that knowledge loses its consistency and becomes “mosaic”, “ clichéd”. The consequences of these processes are of a lasting nature and require further in-depth study by the scientific community, including psychologists, educators, and sociologists.

Keywords: memory studies, risks, politics, Internet, clip culture, pseudoscience, pandemic, memorial law

For citation: Tcerkasevich L.V., Makarenko E.A. (2021). Contemporary information social risks in the post-modern era. *Upravlenie / Management (Russia)*, 9 (4), pp. 112–120. DOI: 10.26425/2309-3633-2021-9-4-112-120

Введение / Introduction

Современная эпоха, которая характеризуется бурным развитием новых средств коммуникации, информационных технологий, лавинообразным расширением туризма и многим другим, помимо явных позитивных явлений, несет также комплекс проблем как в обществе, так и в природной среде. Одним из первых на это указал немецкий социолог, автор концепции «общества рисков», У. Бек, который в 1986 г. опубликовал книгу о «рисковом обществе» [Beck, 1986]. Содержание книги произвело переворот в сознании ученых и политиков относительно перспектив развития человечества.

Идеи книги актуальны до сих пор, несмотря на то, что написана несколько десятилетий назад. Подтверждением предостережений о глобализации рисков в обществе постмодерна ученого является пандемия коронавируса, охватившая весь мир. Основная проблема современного общества — это новые глобальные риски, которым подвергаются все люди, животные и растения, и которые создают гигантский потенциал для технического прогресса. Они охватывают, в отличие от индустриального общества, все страны, народы, слои населения. Они не подвластны границам между странами. Таким образом, современные технологии приносят не только благо, но и являются источником непредвиденных трагических последствий.

В настоящей работе рассмотрены риски искажений исторической и коллективной памяти, которые возникли на фоне развития информационных технологий и массовой цифровизации, а также повышения доступности к источникам любой информации. На этом фоне знания о прошлом становятся пластичными, и каждый человек может сформировать свою картину развития событий, отличную от официальной пропаганды или навязанных политических конструкций.

Развитие понятия «коллективная память» в период постмодерна / The development of the collective memory concept in the post-modern age

Коллективная память представляет собой социальное явление, лежащее в основе преемственности и воспроизводства смыслов и ценностей потока событий в исторической перспективе, а также передачи опыта от поколения к поколению. Основы научного изучения коллективной памяти были заложены французским социологом М. Хальбваксом, который обратился к этой теме в 1925 г. в работе «Социальные рамки памяти» [Хальбвакс, 2007].

Он исследовал инструменты коллективной памяти отдельных индивидов, а также и механизмы ее формирования в коллективах и социальных институтах. Однако наибольшее внимание к этому явлению привлекло ученых только в последние десятилетия. Вместо понятий коллективной, исторической и культурной памяти ученые стали использовать общее понятие — «социальная память». Сегодня под социальной памятью понимают «совокупность социокультурных средств и институтов, осуществляющих отбор и преобразование актуальной социальной информации в информацию о прошлом (ретроспективную) в целях сохранения накопленного общественного опыта и передачи его от поколения к поколению»¹. Субъектом социальной памяти является социальная группа, в которой она приобретает свойство эмерджентности, то есть новое качество, которое не сводится к совокупности качеств памяти отдельных индивидов, входящих в эту группу [Ломов, 1984]. К основным источникам социальной памяти можно отнести индивидуальную память участников исторических событий, письменную информацию и вещественные объекты. Французский ученый П. Нора [1999] называет их «места памяти».

Развитие социальной памяти, являясь продуктом исторического развития общества, последовательно прошло несколько этапов. В дописьменный период развития общества коллективная память складывалась стихийно, характеризовалась общей для рода или общины информацией, передаваемой устно. На этом этапе общество не ставило перед собой цели ретрансляции информации будущим поколениям. Следующий этап связан с возникновением письменности. Информация приобрела знаковую систему, была осознанно направлена на хранение для будущих поколений. Происходит селекция информации в соответствии с воззрением на нее правящей элиты. Возникают библиотеки и архивы. Третий этап связан с бурным развитием информационных технологий и возникновением различных виртуальных носителей информации. Хранение информации имеет системный характер.

В наше время социальная память переживает четвертый этап своего развития, связанный с вступлением общества в эпоху постмодерна. Анализ сущности постмодернизма представляет собой одну из центральных проблем исследований современных наук о развитии современной культуры и общества. Сегодня не существует общепринятого определения постмодернизма. Как правило, оно используется

¹ *Осинов Г.В., Москвичев Л.Н. [отв. ред.]. (2014). Социологический словарь Москва. С. 326–237.*

для характеристики специфических проявлений в культуре и искусстве, социологии и политике, и даже в архитектуре, возникших в конце XX – начале XXI в. Постмодернизм представляет собой не строгое научное теоретическое направление в социальных науках, а лишь совокупность неких идей, при помощи которых ученые пытаются анализировать и обосновывать возникновение новых процессов и явлений.

Постмодернизм, возникновение которого обусловлено массовым распространением информационных и интернет-технологий, привел к глобальным изменениям в структуре ценностей современного общества: не только к смешению жанров в художественном творчестве и словесности, но даже к переоценке многих исторических событий. Известный историк-египтолог Я. Ассман называет наше время эпохой третьей культурной революции, основным достижением которой является изобретение виртуальных средств хранения информации. При этом автор указывает на две другие масштабные революции – изобретение письменности и книгопечатание.

В связи с этим масштабным явлением формируется новая парадигма наук о культуре, в соответствии с которой различные феномены и области «искусства и литературы, политики и общества, религии и права предстают в новом контексте» [Сокольская, 2004]. Прошлая картина мира становится пластичной, а порой даже изменчивой и противоречивой. В качестве примера можно упомянуть юридические претензии на право использования оригинального наименования «Водка» со стороны ряда американских и польских производителей, возникшие в 1977 г. Проблема приобрела государственное значение и требовала достоверного убедительного исторического свидетельства о первенстве использования этой торговой марки со стороны СССР. Научная монография В. Похлебкина подтвердила первенство и юридическое право России на использование этой торговой марки [Похлебкин, 2005]. Эта история убедительно доказывает, что далекие исторические факты могут являться основанием для формирования целого комплекса рисков: риска возникновения ситуации глобального перераспределения экономических ресурсов, риска потери источника легитимности экономического ресурса, риска потери репутации.

Одним из последствий массового использования виртуальных форм коммуникации стала деструкция традиционных механизмов передачи социального опыта и памяти, приведшая к трансформации воззрений на историю. Под этим подразумевается мощное движение освобождения и эмансипации народов, этносов, групп и даже отдельных личностей

в современном мире. Речь идет о быстром возникновении разнообразных форм памяти социальных групп, для которых отвоение собственного прошлого является необходимой составляющей утверждения собственной идентичности.

Таким образом, историки, признанные официальной пропагандой, потеряли монополию на интерпретацию исторических фактов. Такое право получили журналисты, а также многие другие ученые, в том числе из смежных наук. Пьер Нора назвал этот процесс «идеологической деколонизацией», подчеркивая, что она привела к тому, что «освободившиеся народы обращаются к своей давней, традиционной памяти, отобранной, разрушенной или искаженной в свою пользу соответствующим режимом» [Нора, 2005, с. 40]. Важным следствием потребления и усвоения информации стала возможность каждого человека по-своему интерпретировать различные события, исходя из своих знаний, воззрений и опыта.

Пьер Нора [2005, с. 41], описывая эти процессы, вводит понятие демократизации истории, под которым он понимает «мощное движение освобождения и эмансипации народов, этносов, групп и даже отдельных личностей в современном мире». Происходит процесс возникновения «разнообразных форм памяти меньшинств, для которых отвоение собственного прошлого является необходимой составляющей утверждения собственной идентичности». Эти процессы связаны с производством идентификационных рисков, которые характеризуются возможностью возникновения конфликтных ситуаций между различными социальными группами при интерпретации событий прошлого.

Демократизация истории преобразовалась в отрасль научного познания и обеспечила доступность разнообразных источников информации, а следовательно, привела к возможности обнаружения и распространения неизвестных или засекреченных ранее событий и фактов. Процессы деполитизации исторического знания привели к критическому отношению общества к мифологизации многих фактов истории и исторических персон. Эти тенденции были усилены, подобно триггеру, процессами глобализации [Макаренко, 2019]. Замкнутость прошлых политических субъектов позволяла сохранять преемственность исторической памяти.

В последние десятилетия по всему миру происходят сносы памятников историческим личностям, которые в прошлом оценивались героями нации или культовыми фигурами. Так, толпа протестующих в городе Балтимор в американском штате Мэриленд скинула с постаментов и утопила в реке

памятник в Христофору Колумбу на фоне фейерверков в городе в честь Дня независимости США. В эти же дни в Вашингтоне у Белого дома участники протестов сожгли флаг США, выкрикивая лозунги против «рабства, геноцида и войны» и «Америка никогда не была великой». Переосмысление истории, связанной со Второй мировой войной, и массовый снос памятников начались в 1990-е гг., когда советские памятники сносились в большинстве бывших социалистических стран Восточной Европы и союзных республик. Так, 2 июня 2019 г. в Харькове был снесен бюст маршала СССР Георгия Жукова, 3 апреля 2020 г. в Праге был демонтирован памятник советскому маршалу Коневу.

Однако до сих пор, несмотря на усилия постмодернистов по деидеологизации истории, мифологизация истории сохраняется. Таким образом, возникают риски искажений исторических фактов в пользу какой-либо социальной группы. Прошлое может использоваться правящими структурами как средство манипуляции общественным сознанием, когда некоторые прошлые события подаются с определенной точки зрения, а другие искажаются или замалчиваются. Образы прошлого могут коммерциализироваться и приобрести качество полезности подобно любому товару. Историческая наука приспособляется к запросам рынка и даже может выполнять функцию развлечения [Бойцов, 2006].

В соответствии с большим интересом оценки роли неславянских народов в истории России и подъемом их самосознания в последнее время осуществлялись попытки переосмысления победы русского войска на Куликовом поле. Проблемы возникли с идентификацией побежденных в этой битве, которая бы не вызывала негативных чувств у современных татар, поскольку они отрешивались от родства с Чингисханом. В советскую эпоху историки описывали современных татар как потомков болгар, страдавших наравне с русскими. При этом термин «татары» в исторической научной литературе заменили на «монголо-татары», а затем на нейтральное «ордынцы». Сейчас отношение переменялось на противоположное, связь с завоевателем стала предметом гордости ныне живущих татар.

Подобное формирование социальной памяти в различных системах ценностных координат приводит к целому спектру социальных рисков: 1) конфликтности при взаимодействии национальных общностей; 2) невозможности объективной оценки исторических событий; 3) кризису идентичности национальных общностей. Выработка общей модели прошлого и консолидация российского общества становится ключевой задачей социальных

и политических институтов современной России [Устьянцев, Аникин, 2011].

Массовое использование виртуальных средств коммуникаций приводит к риску, связанному с познавательной функцией человека, — риску когнитивных искажений. Когнитивные искажения нарушают процесс объективной оценки человеком информации и самого себя. В изучение когнитивных искажений Д. Канеман, основоположник поведенческой психологии, внес большой вклад, за который в 2002 г. он получил Нобелевскую премию. Его работа объясняет особенности работы мозга при принятии решений и причины возникновения ошибок при этом [Канеман, Тверски, 2003].

Если рассматривать тенденции возникновения и коррекции коллективной памяти, то сейчас особенно сильно влияние различных неформальных групп. Например, легче внедрять идеи через футбольные фанатские сообщества, различные диаспоры, группы самых различных активистов или через лидеров общественного мнения, которыми может выступать кто угодно, начиная от телеведущих и заканчивая бьюти-блогерами. В формируемых «воспоминаниях» можно отметить так называемые места памяти. Здесь можно заметить, что их удачно используют в туристических целях, как, например, гора Моисея в Египте или копьё Лонгина (когда известно минимум 4 копия, которыми мог бы быть поражен Иисус).

Влияние цифровизации на коллективную память / The digitalisation's impact on collective memory

В начале XXI в. в научный оборот вошли понятия «клиповая культура» и «клиповое мышление». Информационные средства коммуникаций «нас осаждают и ослепляют противоречивыми и не относящимися к нам фрагментами образного ряда, которые выбивают почву из-под ног наших старых идей, и обстреливают нас разорванными и лишёнными смысла «клипами», мгновенными кадрами. По сути дела, мы живем в «клип-культуре» [Тоффлер, 2004, с. 83]. В доцифровую эпоху общество обладало системным типом мышления, так как основным способом получения информации была книга, то есть текст. Содержание книги обладает качеством последовательного единства. Институты прошлого образования были основаны на использовании огромного массива книг. Чтение текста имеет рефлексивный характер и способствует формированию упорядоченной и логичной картины мира. Эпоха постмодерна, основанная на массовом использовании информационных технологий, сменила парадигму образовательного процесса.

Сеть «Интернет» и другие технические средства коммуникаций изменили когнитивные формы восприятия информации, которая становится дробной и «клиповой» [Mehta et al, 2020].

На эту особенность одним из первых обратил внимание французский социолог А. Моль, который провел глубокий анализ эволюции формирования понятийных представлений человека о культуре в последние десятилетия и ввел в научный оборот понятие «мозаичная культура». Ученый утверждает, что в прошлом знания формировались в основном институтами образования. В современном мире наши знания представляют собой совокупность «ежедневно воздействующего на нас непрерывного, обильного и беспорядочного потока случайных сведений. Мы усваиваем их через средства массовой коммуникации — печать, кино, радио, телевидение, просматривая технические журналы, беседуя с окружающими, — через всю эту захлестывающую нас массу источников, от которых в памяти остаются лишь мимолетные впечатления и осколки знаний и идей» [Моль, 2008, с. 44]. В итоге современная культура становится «мозаичной», так как представляет множество случайных, не соприкасающихся между собой фрагментов, у которых «нет точек отсчета, нет ни одного подлинно общего понятия, но зато много понятий, обладающих большой весомостью (опорные идеи, ключевые слова и т.п.)» [Моль, 2008, с. 45].

Механизмы формирования коллективной памяти активно используются сегодня на самом высоком политическом уровне:

- внешняя политика и дипломатия — обсуждение неоднозначного прошлого как условие для функционирования политических систем и их способности проводить международную политику. Образ внешнего врага или претензии на некие территории (например, Японии на Курильскую гряду) позволяет спланировать нацию и отвлекать население от более приземленных проблем;
- международная юстиция — определение статуса жертв и преступников, в том числе в рамках международных соглашений (например, непринятие рядом стран факта геноцида Турцией армянского народа в 1915 г.);
- политическая культура — моделирование политических нарративов, формулирующих отношения между обществом и историей. Наглядно это могут демонстрировать российские новые праздники 1990-х гг., например, День народного единства или День России, когда в первом случае попытались придумать альтернативу Дню Великой Октябрьской социалистической революции, а во втором — аналог американского Дня независимости. Однако

никаких островов коллективной памяти с этими датами нет и какой-либо культуры празднования тоже, а значит, и ценности для населения они не несут, кроме еще одного выходного дня.

Все эти и многие другие воспоминания — разрозненные или системные, имеющие какую-либо политическую или экономическую окраску создают масштабное поле для исследования. Изучение механизма формирования и отделение «безвредных» воспоминаний от манипулятивных, созданных для формирования раскола обществ, и является одной из задач исследования памяти (англ. memory studies).

При формировании методов исторической политики нельзя не процитировать М. Цзедуна: «Тезис верный, но высказанный не вовремя, является ложным», что в отношении исторической политики можно акцентировать так: средство передачи информации не менее важно, чем сама информация. Можно сколько угодно рассказывать об ужасах Второй мировой войны в научных монографиях, приводя свидетельства очевидцев и выдержки из документов Третьего рейха, однако фотография из концентрационного лагеря в нужной группе от лидера общественного мнения в Facebook может произвести куда более сильный эффект, чем тысячи страниц доктора исторических наук. И хорошо, если этот лидер выскажется в русле текущей политической доктрины, поскольку его диаметрально противоположное высказывание опровергнуть будет практически невозможно, так как стандартные законы логики здесь не работают, поскольку привычка молодой либо низкоинтеллектуальной аудитории — верить безоценочно и безусловно. Работает исключительно эмоциональный уровень и уровень авторитета лидера общественного мнения и средства передачи информации (медиа памяти). Медиа памяти — это любой посредник между обществом и его прошлым, включая техники, технологии и практики, с помощью которых опосредуется социальная и культурная жизнь, включая и масс-медиа [Bozhuk and Krasnov, 2017]. Если 20 лет назад еще можно было административным ресурсом контролировать извне все векторы социальных течений, то сейчас это можно делать только изнутри, становясь их частью или работая с медиа памяти.

В статье не мы рассматриваем методы Северной Кореи или Китая, где административный ресурс имеет колоссальные рычаги. В то же время опыт Китая примечателен: с июня 2021 г. он взялся за регулирование сообществ поклонников, заявив, что их поведение «запятнало чистую экосистему интернета, оказало сильное влияние на физическое и психологическое состояние подростков, а также вызвало сильную

оппозицию со стороны общественности» [Bozhuk, Pletneva et al, 2019, pp. 6–7]. За два месяца Управление по вопросам киберпространства удалило более 150 тыс. «негативных сообщений», а заодно заблокировало свыше 4 тыс. аккаунтов, 1,5 тыс. групп и 39 приложений. Китайская видеоплатформа iQiyi 27 августа 2021 г. объявила о закрытии всех айдол-шоу, некоторые из которых были крайне популярны и приносили большой доход из-за платных голосований. Представители сервиса заявили, что готовы «противостоять плохому влиянию и поддерживать чистый и здоровый интернет» [Bozhuk, Kozlova et al, 2019, p. 6]. Ранее компания отменила финал третьего сезона айдол-шоу Youth with You из-за акции с молоком, когда ради своего кумира поклонники покупали пачки молока, сканировали qr-код и молоко выливали в раковину. Китайские власти взяли и за айдалов. Летом 2021 г. национальное управление по радио- и телевидению устроило «этический тренинг» десяткам местных знаменитостей [Isaenko et al, 2021]. В качестве предупреждения некоторых звезд стали буквально «стирать» из китайского интернета. В августе 2021 г. это произошло с актером Чжан Чжэханем: его аккаунты в соцсетях удалили, убрали упоминания на сайтах, треки пропали со стриминговых платформ, и, как сообщают средства массовой информации, из фильмов стали вырезать сцены с его участием. Причина – Чжэхань сфотографировался в святилище Ясукуни, где поклоняются душам японских воинов, погибших в разных битвах. Китай неоднократно осуждал посещение этого храма. Китайские власти пошли на такие меры в первую очередь из-за беспокойства по поводу того, насколько лояльны фанаты по отношению к кумирам. Вокруг молодых знаменитостей выстраиваются организации, активисты которые доказали возможность координировать действия и мобилизоваться [Макурова, Макаренко, 2020].

Безусловно, речь не идет о создании Министерства Правды подобно вымыслу в романе Дж. Оруэлла «1984», но, тем не менее, в России должна присутствовать системная работа в политике памяти – это деятельность государства и других акторов, направленная на утверждение тех или иных представлений о коллективном прошлом и формирование поддерживающей их культурной инфраструктуры, образовательной политики, а в некоторых случаях и законодательного регулирования. В то же время можно обратить внимание на то, как, например, в Польше или Украине системно ведется историческая политика среди молодого поколения. Как утверждал А.И. Миллер [2018], «историческая политика» – это набор практик, с помощью которых отдельные политические силы стремятся утвердить определенные интерпретации

исторических событий как доминирующие. Все это может выражаться через следующие методы:

- создание специальных институтов для насаждения определенной трактовки;
- политическое вмешательство в деятельность средств массовой информации;
- манипуляции архивами;
- разработка мер контроля за деятельностью историков, использование финансовых и статусных рычагов;
- вмешательство в содержание учебников и программ преподавания истории;
- принятие мемориальных законов.

Заключение / Conclusion

Задачей современного общества стоит не тотальный контроль над коллективной памятью, а принятие факта ее существования с целью формирования культуры критического мышления как среди взрослого населения, так и молодежи. Проверка фактов и критическое мышление должны стать теми навыками, которыми следует владеть в той или иной степени всем пользователям сети. Это может стать лучшей прививкой для информационного общества от различного рода манипуляций и лженауки (а не создание комиссий по борьбе с лженаукой при президиуме Российской академии наук). Как ни парадоксально, пандемия коронавируса ситуативно играет на руку смене развлекательной и информационной повестки: изменение уклада жизни отодвинуло на второй план новости мира «звезд» и сместило акцент на науку, исследования, статистику. При наличии политической воли эту ситуацию можно обратить на пользу государства и общества, уводя интерес аудитории от фактов личной/интимной жизни и идеалов общества потребления на вопросы, повышающие уровень личностного развития.

Сегодня ученые не пришли к единому мнению, является ли новая парадигма образовательного процесса, основанная на массовом использовании сети «Интернет», положительной в отношении изменения когнитивных способностей. Есть мнение, что клиповое сознание приводит к культурной деградации молодежи. При этом у молодых людей наблюдается отход от логического построения картины мира, снижается рефлексия и критическая оценка событий. Однако, с другой стороны, огромный информационный поток, который необходимо перерабатывать пользователям, приводит к постепенной адаптации мыслительных процессов, и «клиповое» сознание позволяет ориентироваться в информационном мире, быстро решать несколько поставленных проблем.

Список литературы

- Ассман Я. (2004). Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры. 368 с.
- Бойцов М.А. (2006). Выживет ли Клио при глобализации? // *Общественные науки и современность*. № 1. С. 91–108.
- Канеман Д., Тверски А. (2003). Рациональный выбор, ценности и фреймы // *Психологический журнал*. Т. 24, № 4. С. 31–43.
- Ломов Б.Ф. (1984). Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука. 1174 с.
- Макаренко Е.А. (2019). Развитие инновационных форм влияния на поведение социума при продвижении новых продуктов // Сборник научных статей «Управление социальными инновациями» / Отв. ред. Е.А. Ильина. С. 195–200.
- Макурова Т.С., Макаренко Е.А. (2020). Формирование коллективной памяти в виртуальном пространстве // Материалы II Международной научно-практической конференции «Социальная реальность виртуального пространства», 21 сентября 2020 г., г. Иркутск. С. 40–46.
- Миллер А.И., Ефременко Д.В. (2018). Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. М.-СПб: Нестор-История. 224 с.
- Моль А.А. (2008). Социодинамика культуры. Пер. с фр. Изд. 3-е. М.: ЛКИ. 416 с.
- Нора П. (1999). Проблематика мест памяти. Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета. 325 с.
- Нора П. (2005). Всемирное торжество памяти // *Неприкосновенный запас*. № 2. С. 40–41.
- Похлебкин В.В. (2005). История водки. М.: Центрполиграф. 160 с.
- Тоффлер Э. (2004). Третья волна. М.: АСТ. 781 с.
- Устьянцев В.Б., Аникин Д.А. (2011). Социальная память в обществе риска: опыт философской концептуализации // *Философия и общество*. № 4 (64). С. 58–69.
- Хальбвакс М. (2007). Социальные рамки памяти; пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкин. М.: Новое издательство. 348 с.
- Beck U. (1986). *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne* [Общество риска. На пути к другому модерну]. Frankfurt, Suhrkamp. 396 p.
- Bozhuk S.G., Krasnov A.S. (2019) Methodic of research of consumers psychographic characteristics in the Internet // IOP conference series: Materials science and engineering, International scientific-practical conference “Quality Management, Transport and Information Security, Information Technologies”, 24–30 Sept., St. Petersburg, Russia. Pp. 166–172. <https://doi.org/10.1109/ITMQIS.2017.8085790>
- Bozhuk S., Maslova T., Kozlova N., Krasnostavskaya N., (2019). Transformation of mechanism of sales and services promotion in the digital environment // IOP conference series: Materials science and engineering, International Scientific Conference “Digital Transformation on Manufacturing, Infrastructure and Service”, November 21–22, 2018, St. Petersburg, Russia.

References

- Assmann, J. (2004), *Cultural Memory: Writing, Memory of the Past and Political Identity in the High Cultures of Antiquity* [Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen], transl. from German by M. M. Sokolskaya, Yazyki slavyanskoi kul'tury, Moscow, Russia. 368 p. (In Russian).
- Beck U. (1986), *Risk society. On the way to a different modernity* [Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne], Suhrkamp, Frankfurt, Germany. (In German).
- Boytsov M.A. (2006), “Will Clio survive globalisation?”, *Social Sciences and Contemporary World*, no. 1, pp. 91–108. (In Russian).
- Bozhuk S.G. and Krasnov A.S. (2017), “Methodic of research of consumers psychographic characteristics in the Internet”, *IOP conference series: Materials science and engineering, international scientific-practical conference “Quality Management and Reliability of Technical Systems”*, 24–30 Sept., St. Petersburg, Russia, pp. 166–172. <https://doi.org/10.1109/ITMQIS.2017.8085790>
- Bozhuk S., Maslova T., Kozlova N., and Krasnostavskaya N. (2019), “Transformation of mechanism of sales and services promotion in the digital environment”, *IOP conference series: Materials science and engineering, International Scientific Conference “Digital Transformation on Manufacturing, Infrastructure and Service”*, November 21–22, 2018, St. Petersburg, Russia. vol. 497, no. 1, art. 012114. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/497/1/012114>
- Bozhuk S.G., Maslova T.D., Pletneva N.A., and Evdokimov K.V. (2019), “Improvement of the consumers’ satisfaction research technology in the digital environment”, *IOP conference series: Materials science and engineering, international scientific-practical conference “Quality Management and Reliability of Technical Systems”*, June 20–21, St. Petersburg, Russian Federation, vol. 666, no. 1, art. 012055. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/666/1/012055>
- Halbwachs M. (2007), *Social framework of memory* [Les cadres sociaux de la memoire], transl. from French and introduct. art. by S.N. Zenkin, Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia. (In Russian).
- Isaenko E., Makrinova E., Rozdolskaya I., Matuzenko E., and Bozhuk S. (2021), “Research of social media channels as a digital analytical of advertising campaigns”, *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, 3rd International scientific-practical conference “Quality Management and Reliability of Technical Systems”*, 27–29 August, 2020, St. Petersburg, Russian Federation, vol. 986, article 012014. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/986/1/012014>
- Kahneman D. and Tversky A. (2003), “The rational choice, values and frames”, *Psikhologicheskii Zhurnal*, vol. 24, no. 4, pp. 31–43. (In Russian).
- Lomov B.F. (1984), *Methodological and theoretical problems of psychology*, Nauka, Moscow, USSR. (In Russian).
- Makarenko E.A. (2019), “Development of innovation forms of influence of societies behavior by new products promotion”, *Collection of scientific articles “Management of social innovations”*, Ex. Ed. E.A. Ilyina, pp. 195–200 (In Russian).
- Makurova T.S. and Makarenko E.A. (2020), “The formation of memory studies in virtual space”, *Proceedings of the II International scientific and practical conference “Social reality of virtual space”*, Irkutsk, September 21, 2020, pp. 40–46. (In Russian).
- Mehta R., Singh H., Banerjee A., Bozhuk S., and Kozlova N. (2020), “Comparative analysis of the consequences of purchasing

V. 497, No. 1. Art. 012114. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/497/1/012114>

Bozhuk S.G., Maslova T.D., Pletneva N.A., Evdokimov K.V. (2019). Improvement of the consumers' satisfaction research technology in the digital environment // IOP conference series: Materials science and engineering, international scientific-practical conference "Quality Management and Reliability of Technical Systems", June 20–21, St. Petersburg, Russian Federation. V. 666, No. 1. Art. 012055. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/666/1/012055>

Isaenko E., Makrinova E., Rozdolskaya I., Matuzenko E., Bozhuk S. (2021). Research of social media channels as a digital analytical of advertising campaigns // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, 3rd International scientific-practical conference "Quality Management and Reliability of Technical Systems", 27–29 August, 2020, St. Petersburg, Russian Federation. V. 986, Art. 012014. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/986/1/012014>

Mehta R., Singh H., Banerjee A., Bozhuk S., Kozlova N. (2020). Comparative analysis of the consequences of purchasing models transformation within the global digitalization of the economy // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, International scientific conference "Digital Transformation on Manufacturing, Infrastructure and Service", November 21–22, 2019, St. Petersburg, Russia. V. 940. Art. 012071. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/940/1/012071>

models transformation within the global digitalization of the economy", *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, International scientific conference "Digital Transformation on Manufacturing, Infrastructure and Service"*, November 21–22, 2019, St. Petersburg, Russia, vol. 940, art. 012071. <https://doi.org/10.1088/1757-899X/940/1/012071>

Miller A.I., Efremenko D.V. (2018), *Methodological Issues of Studying the Politics of Memory: Collection of Scientific Papers*, Nestor-Istoriya, Moscow, 224 p., Russia. (In Russian).

Moles A.A. (2008), *Sociodynamics of culture [Sociodynamique de la culture]*, transl. from French, 3rd Ed., LKI, Moscow, Russia. (In Russian).

Nora P. (1999), *The problem of places of memory. France is a memory*, St. Petersburg University Publishing House, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Nora P. (2005), "World remembrance celebration", *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2, pp. 40–41. (In Russian).

Pokhlebkina V.V. (2005), *History of vodka*, Tsentrpoligraf, Moscow, Russia. (In Russian).

Toffler E. (2004), *Third wave*, AST, Moscow, Russia. (In Russian).

Ustyantsev V.B., and Anikin D.A. (2011), "Social memory in a risk society: an experience of philosophical conceptualization", *Philosophy and Society*, no. 4 (64), pp. 58–69 (In Russian).

Translation of front references

¹ *Sociological Dictionary* (2014), Resp. Eds Osipov G.V., Moskvichev L.N., Moscow, Russia, pp. 326–237. (In Russian).